

Верхотурский ям в конце XVI–XVII в.: история возникновения и функционирования

Необходимо отметить, что проблема становления и функционирования системы ямской гоньбы в России в период позднего Средневековья до сих пор остается слабоизученной. Между тем помимо сугубо практической значимости обращение к ней представляет и чисто научный интерес, поскольку позволяет приблизиться к ответу на вопрос о времени окончательного складывания Русского централизованного государства, существование которого было бы невозможным без налаженного и эффективного механизма связи между центром и его окраинами.

С началом процесса присоединения Сибири перед московскими властями встала задача по укреплению своих позиций в крае, его освоению и развитию. Необходимым условием этого являлось налаживание системы регулярного сообщения с «далекой государственной отчиной». Впрочем, первоначально обязанность по транспортировке казенных грузов и следовавших по государственным нуждам должностных лиц в основном ложилась на плечи аборигенного населения, что, по всей видимости, объяснялось нехваткой собственно русских насельников¹. В Верхотурском уезде в конце XVI в. подводную повинность отправляли лялинские вогуличи (около 30 человек). Однако вследствие непривычности и тяжести гоньбы (которую усиливало то обстоятельство, что аборигены одновременно продолжали уплачивать ясак пушнинаой) от инородцев последовала череда слезных челобитных. В них они подчеркивали, что зимой и летом «гоняют» «с Ляли» до Соликамска, Тюмени и Пелыма, претерпевая убытки и «обиды великие». Под последними подразумевалось присвоение служилыми людьми вогульских лошадей и кон-

¹ См.: *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда // *Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири.* Екатеринбург, 2002. С. 119.

ской упряжи. Обременяло подводную повинность и удручающее состояние Бабиновской дороги². Ответной царской грамотой (от 28 апреля 1599 г.) верхотурским властям предписывалось убавить с аборигенов ясак, «смотря по тамошнему делу, чтоб их не разогнати», и впредь оберегать от насилий со стороны проезжих людей³. Впрочем, поскольку жалобы не прекратились, в Москве было принято решение об учреждении «за Камнем» профессиональной ямской гоньбы. Тем не менее в последующем, на протяжении всего XVII в., в случае необходимости коренное и русское население Верхотурского уезда продолжало привлекаться к отправлению подводной повинности.

К сожалению, до нас не дошла «строельная» книга самого раннего и важнейшего для Сибири Верхотурского яма. Поэтому остается неизвестным точное время его образования. Так, большинство исследователей относили это событие либо к 1599 г.⁴, либо к 1600 г.⁵ По предположению И. Я. Гурлянда, решение об основании Ямской слободы могло быть принято в Москве одновременно с распоряжением о строительстве Верхотурья в конце 1597 г., однако сам ям появился позже (в 1599 или 1600 гг.). К непосредственному же осуществлению своих обязанностей ямщики приступили до ноября 1600 г.⁶ В качестве доказательства ученый ссылается на текст челобитной 1644 г., в которой верхотурские ямские «охотники» указывали на предоставленную им царем Федором Ивановичем «уставную грамоту»⁷. На самом деле все же трудно сказать, планировало ли правительство уже при основании новой перевалочной базы в Сибирь учреждать ям. К тому же остается под вопросом существование якобы утраченного к 1640-м гг. документа. Из всех

² См.: АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 24–25.

³ См.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 371–372.

⁴ См., напр.: *Вигилев А. Н.* История отечественной почты. М., 1979. Ч. 2. С. 38; *Виташевская М. Н.* Старинная русская почта. М., 1962. С. 37.

⁵ См., например: *Кривошеков И. Я.* Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 432; *Бординских Г. А., Шилов В. В.* Бабиновская дорога – путь длиною в 400 лет. Березники, 1998. С. 19; *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Тюмень, 1999. Т. 1. С. 52.

⁶ См.: *Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900. С. 177, примеч. 3.

⁷ См.: АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 393.

имеющихся в нашем распоряжении источников следует, что только царская грамота от 25 ноября 1599 г. свидетельствовала о действительном намерении центральных властей освободить лялинских вогуличей от подводной повинности и «ям на Верхотурье... устроить вскоре», о чем «наш (царский. — О. С.) указ будет»⁸. Учитывая время, необходимое для преодоления расстояния от Москвы до Верхотурья и реализации пока еще отсутствующего указа «о ямех», можно предположить, что профессиональные ямские «охотники» появились на территории Зауралья только в следующем году. Именно тогда их впервые начинают фиксировать источники. К непосредственной же гоньбе, как явствует из более поздней ямской челобитной (1619 г.), они приступили не раньше осени 1600 г.⁹

Подробности основания Верхотурского яма в основном остаются неизвестными. Скорее всего, его устройство проходило по типичной для Сибири схеме и целиком возлагалось на местные власти. Последние после получения соответствующего распоряжения осуществили «прибор» «охочих людей» в Поволжье и Вятской земле. Каждому ямскому «охотнику» предоставлялась двадцатирублевая казенная «подмога» «с крепкою порукою»¹⁰, по-видимому, бесплатные подводы до места назначения и лошади с необходимым для гоньбы «припасом». При этом часть ямщиков набрали из местного населения. Во всяком случае, царская грамота от 20 декабря 1600 г. свидетельствует о 10 верхотурских торговых людях, которые «били... челом в ямские охотники»¹¹. Любопытно, что утвердившийся «за Камнем» порядок «прибора» ямщиков представите-

⁸ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М., 1982. Вып. 1. С. 44. Впрочем, еще в наказной памяти (1598/99 г.) следовавшим к месту службы разрядным воеводам С. Ф. Сабурову «с товарищи» предписывалось по дороге от Соликамска до Тобольска тем ясачным инородцам, которые «от подвод скорбят», говорить, что «вперед с них подвод и проводников не будет, а велено меж сибирских городов устроить ямы» (см.: *Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.)*. М., 1901. Ч. 4. С. 136). Однако неясно, свидетельствует ли это о действительном намерении правительства учредить профессиональных ямщиков, или же перед нами заявление чисто декларативного характера, имевшее своей целью разрядить и без того неспокойную обстановку в крае.

⁹ См.: АИ. Т. 3. С. 74.

¹⁰ См.: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 1. Л. 92 об.

¹¹ См.: *Миллер Г. Ф. История Сибири*. М., 2000. Т. 2. С. 191.

лями приказной администрации в европейской части страны во второй половине XVI в. являлся исключением. Там повинность по выставлению для отправления гоньбы людей чаще всего ложилась на плечи населения.

Устроенные на 50 паев – что являлось общей нормой для всех сибирских ямов в XVII в. – верхотурские ямские «охотники» поселились вблизи посада за рекой Калачик. Здесь они образовали отдельную Ямскую слободу, сохранившуюся в топографии города до настоящего времени¹². Интересно, что в 1649 г., воевода Р. Р. Всеволожский и подьячий с приписью А. Марков предлагали перенести ее на новое место, за Туру, настаивая на том, что будто бы от ямского скота находившейся под слободой государевой десятинной пашне «по вся годы бывает потрава и толока». Однако в Москве решили, что «вперед на Верхотурье на том старом месте без Ямской слободы для проезду сибирских воевод и всяких людей быть нельзя»¹³.

По своему социальному положению ямские «охотники» ближе всего стояли к приборным служилым людям. Они получали предоставляемое из съезжей избы государево денежное и хлебное жалованье (по 20 рублей и 12 четей ржи и овса на каждый пай)¹⁴. По замечанию Н. Н. Оглоблина, сибирских ямщиков могли также надевать соляными окладами¹⁵. Впрочем, в источниках по отношению к Верхотурью это пока еще не нашло своего подтверждения. Характерно, что в европейской части страны ямские «охотники» к началу XVII в. чаще всего содержались на средства выставившего их населения. Лишь после окончания Смуты, в связи с резким паде-

¹² См.: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 1. Л. 92 об.; *Потов Н.* Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству. СПб., 1813. Ч. 3. С. 308; *Корчагин П. А.* История Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург, 2001. С. 140.

¹³ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 619.

¹⁴ См.: АИ. Т. 3. С. 75. Вплоть до конца XVII в. в Сибири обычно употреблялась четырехпудная четь (см.: *Шашков А. Т.* Население Самаровской ямской слободы в начале XVIII в. // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Екатеринбург, 2006. Ч. 1. С. 95, примеч. 13).

¹⁵ См.: *Оглоблин Н. Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1895. Ч. 1. С. 166, 167.

нием уровня платежеспособности тяглецов и потребностями дальнейшей государственной централизации, казенное обеспечение приобретет доминирующее значение.

Кроме жалованья верхотурским ямским «охотникам» предоставлялись пашенные (по 20 четей в поле, «а в дву потому ж» на каждый пай) и сенокосные угодья, с которых они не платили податей¹⁶. Развитию ямщицкого хозяйства благоприятствовало также то, что по роду своей деятельности оно было лучше обеспечено тягловой силой – лошадьми. Более того, по наблюдениям А. А. Преображенского, к середине 1620-х гг. отдельные ямщики в качестве наемной рабочей силы регулярно использовали по 5–10 и более ярыжек. Данное обстоятельство, вместе с фактом значительных расходов на их оплату, подчеркивало «отнюдь не потребительский характер этих хозяйств»¹⁷. Не случайно перепись Ф. Тараканова (1621 г.) выделяет среди верхотурских «охотников» лиц довольно состоятельных. К примеру, Т. Перевалов ежегодно продавал хлеба на 50 рублей, а Е. Голомолзин – на 40 рублей¹⁸. Впрочем, основная масса ямщиков занимала довольно скромное имущественное положение.

Первоначально земли верхотурских ямских «охотников» располагались компактно вблизи Верхотурья. Однако вскоре они получили право на обработку более плодородных почв по Тагилу и Мугаю. К началу 1620-х гг. большинство ямщиков, владея пашнями в уезде, продолжали сохранять небольшие участки «средней», а чаще «худой» по своему качеству земли «у слободы». К середине же 1640-х гг. на месте некогда существовавшего «под городом» ямского поля помещались государевы десятины. Основная же часть земель, за исключением находившихся «позади» ямских дворов огородов, располагавшихся «под гору от Ямской слободы», «невеликих полос» и скотного выгона на реке Мостовой, находилась в уезде¹⁹. Вот почему многие ямщики были вынуждены постоянно проживать вдали от слободы.

¹⁶ См.: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 1. Л. 92 об.

¹⁷ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 294.

¹⁸ См.: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 1. Л. 76–76 об., 78.

¹⁹ См.: АИ. СПб., 1842. Т. 4. С. 54–55. По другим данным, к 1644/45 г. даже ямские огороды были «взяты под государеву десятинную пашню» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 593. Л. 13).

Предоставлялись ямским «охотникам» и иные льготы. Так, в ответ на челобитную царской грамотой от 30 ноября 1600 г. им на 3 года (до момента окончательного обустройства) была дана отсрочка от уплаты долгов частным лицам²⁰. По-видимому, новоприобретенным ямщикам из казенных житниц мог выдаваться семенной хлеб (во всяком случае, подобные примеры известны по другим ямам края). В 1615 г. они добились освобождения от уплаты «сенных денег» в том случае, если, отправляясь из Верхотурья по казенным надобностям, на обратном пути подрабатывали частным извозом. Отныне плата за корм лошадей взималась с ямщиков лишь при отъезде из уездного центра по вольному найму²¹. В 1644 г., ссылаясь на якобы утраченную «уставную грамоту» царя Федора Ивановича, верхотурские «охотники» получили право не «гонять» к Соликамску после 1 сентября до установления зимнего пути («опричь скорых гонцов»), а также по направлению к Туринскому острогу после 25 марта до вскрытия рек²². Некоторые ямщики владели оброчными рыбными ловлями и мельницами и в свободное от гоньбы время занимались торговлей и промыслами. Более того, на протяжении XVII в. выходили указы, предоставлявшие сибирским ямщикам возможность преимущественной торговли с аборигенами. Поэтому нет ничего удивительного в том, что среди верхотурских «охотников» к началу 1620-х гг. выделялись такие, как Д. Голомолзин, который активно выменивал у вогуличей пушнину на хлеб и «русские товары». «Мягкую рухлядь» предприимчивый делец сбывал торговым людям, вследствие чего общий размер его годового дохода достигал 100 рублей²³.

В непосредственную обязанность приказной администрации входила забота об облегчении положения ямщиков и сокращении казенных расходов на перевозки. Уже с конца XVI в. правительство запрещало отпускать в столицу подводы «с невеликою казною» (их следовало отправлять только «с иными посылками»). В последующем выходили неоднократные распоряжения, направленные

²⁰ См.: АИ. Т. 2. С. 33.

²¹ См.: Там же. Т. 3. С. 46.

²² Впрочем, во второй половине XVII в. (вероятно, по инициативе известного «прибыльщика» – тобольского воеводы стольника П. И. Годунова) они подобной льготы лишились.

²³ См.: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 1. Л. 74.

на регламентацию количества предоставляемых для «разного чина людей» подвод. К примеру, первый подобный указ появился в 1627 г. Впрочем, прописанные в нем нормы со временем изменялись и даже в таком виде соблюдались крайне плохо²⁴. Не случайно в 1678 г. тюменские ямщики жаловались на то, что сибирские воеводы «вдвое и болши» завышают в выдаваемых подорожных количество установленных Москвою подвод²⁵.

Правительство пыталось также регламентировать вес провозимого на подводах груза. В начале XVII в. вышло предписание, в соответствии с которым при проезде в Сибирь запрещалось помещать на отдельную подводу свыше 15 пудов клади зимой и более 4 пудов летом. В том случае, если от перенапряжения лошадь погибала, виновного обязывали компенсировать ее стоимость²⁶. В дальнейшем размер «указного» веса увеличили до 20 пудов поклажи по зимнему пути и до 15 пудов летом. При этом ямщики получили право лично взвешивать транспортируемый груз²⁷.

Впрочем, несмотря на существование перечисленных выше льгот, положение верхотурских ямских «охотников» оставалось крайне тяжелым и на протяжении XVII в. неуклонно ухудшалось. Отчасти это можно объяснить неизменностью количества ямских паев, невзирая на вызванный процессом дальнейшего освоения Сибири рост интенсивности гоньбы. Небывалый наплыв людей и грузов приводил к острой нехватке ямских лошадей и вынуждал «охотников» за свой счет прибегать к найму дополнительных подвод²⁸. К тому же правительство с самого начала стремилось перевести ямщиков на службу «с пашни». К этому следует добавить поджидавшие на пути опасности, значительность вызванного серьезными перегрузками и суровыми природными условиями конского падежа, обязанность «ежегод беспереводно» содержать за свой счет

²⁴ См.: Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. С. 288.

²⁵ См.: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 264. Л. 230–231; АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 37.

²⁶ См.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 163.

²⁷ См.: Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. С. 203; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. С. 105.

²⁸ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 487. Л. 73–119.

лошадей с саями (зимой), телегами (летом), седлами и прочей «гонимой рухлядью», а для водного пути – «всякие суды» с «судовой снастью». Кроме того, в противовес царскому указу 1556/57 г., освобождавшему ямщиков от несения других повинностей²⁹, в действительности их активно привлекали к расчистке и поддержанию дорог, погрузке на Верхотурской судоверфи хлебных запасов, строительству казенных сооружений, церквей и т. д.³⁰ В ряде случаев с них взимались общегосударственные налоги («пятая» и «десятая» деньга). Все это вносит серьезные коррективы в расхожее представление о том, будто ямщики находились в несравненно лучшем положении, чем многие другие категории населения Московского государства³¹.

Исследователями неоднократно отмечалось то катастрофическое положение, в котором оказалась система ямской гоньбы в европейской части страны в период Смутного времени. Во многом этот вывод справедлив и для удаленной от основных районов гражданской войны Сибири. Несмотря на сохранение здесь за представителями воеводской администрации реальных рычагов власти, постоянная угроза восстания ясачных инородцев, а также перебои в поставках хлеба и денежных средств не могли не отразиться на положении ямщиков и функционировании Верхотурского яма. В послесмутные годы правительство приступило к активному восстановлению системы связи, что, впрочем, не внесло заметного облегчения в положение верхотурских ямских «охотников». Не случайно уже в 1614 г. в Москву «бити челом... о ямской бедности» выехал их челобитчик³². Пять лет спустя они жаловались на изнурительную ежедневную (зимой и летом) гоньбу по семи дорогам (к Соликамску, Туринскому острогу, Пелыму, на Чусовую, Лялю, Тагил и Кошай),

²⁹ См.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. С. 44.

³⁰ См., например: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 86. Л. 19; Оп. 2. Стб. 423. Л. 8; Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М., 1982. Вып. 2. С. 197, 238; Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. Новосибирск, 2000. С. 74.

³¹ См., например: *Козловский И. П.* Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Варшава, 1913. Т. 1. С. 28; *Вигишев А. Н.* История отечественной почты. М., 1977. Ч. 1. С. 67.

³² См.: ААЭ. Т. 2. С. 85.

от которой «лошади с надсады и от великие нужи помирают», а также на обязанность в одиночку чистить Бабиновскую дорогу (тогда как ранее к этой повинности привлекалось тяглое население Перми Великой). Между тем ямщики получали всего по 7 рублей на пай денежного жалованья, чего им и «на полгода не ставает». Хлебного же обеспечения они были вовсе лишены. От подобных тягот челобитчики «одолжали великими долги, жены и дети свои многие в подводах позакладовали». Ответной царской грамотой воеводе хотя и предписывалось разобраться в причинах – по царскому ли указу или инициативе местной администрации – сокращения жалованья, однако это не изменило ситуацию в лучшую сторону³³. Лишь после того как вследствие массового бегства в 1620 г. численность верхотурских ямщиков сократилась до 39 человек, правительство было вынуждено пойти на увеличение размера оклада их денежного жалованья до 10, а в следующем году – до 15 рублей³⁴. Интересно, что деньги выплачивались в два срока – половина на Семенов день (1 сентября), а остальное – на Благовещение (25 марта). Благодаря этим мерам, а также действиям воеводской администрации по «прибору» добровольцев «в выбылых ямских охотников место» с предоставлением им 15-рублевой «подмоги» Верхотурский ям в 1621 г. был вновь целиком укомплектован. В последующем размер оклада денежного обеспечения продолжал расти: в 1644/45 г. он достиг 22 рублей, в 1653/54 г. был увеличен до 25 рублей, а с 1660/61 г. и до конца XVII в. составлял 28 рублей³⁵. Впрочем, само жалованье выплачивалось нерегулярно. К тому же ввиду нехватки наличных денежных средств его могли выдавать разнообразными товарами (сукнами, оцененной «по сибирской цене» пушниной «худого» и «среднего» качества и т. д.). Что же касается хлебного довольствия, то возобновления его выплаты вер-

³³ См.: *Шишонко В. Н.* Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Период второй (1613–1645 гг.). Пермь, 1882. С. 84–85.

³⁴ См.: АИ. Т. 3. С. 85–86, 149–150.

³⁵ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 593. Л. 15, 16, 27–28; Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 55. Л. 1; Стб. 542. Л. 86; ДАИ. СПб., 1859. Т. 7. С. 272. Необходимость увеличения размеров окладов жалованья правительство объясняло чрезмерной тяжестью и особой значимостью службы верхотурских ямщиков, подчеркивая, что «иным сибирским ямом то не в пример и не в образец» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 593. Л. 124).

хотурские ямские «охотники» так и не добились. Вплоть до начала XVIII в. они продолжали «служить с пашни»³⁶.

Серьезный удар по благосостоянию верхотурских (и в целом сибирских) ямщиков нанесли мероприятия тобольского воеводы Ю. Я. Сулешева (1623–1625 гг.), нацеленные на изыскание любых возможностей «учинить государеву прибыль». При нем была осуществлена перепись территорий западносибирских уездов. По данным дозорной книги М. Тюхина (1624 г.), верхотурские ямские «охотники» имели 16 деревень и владели 411 четями пашни, 410 четями перелога и санными покосами на 6300 копен. При этом с их сверхокладной пашни отныне в казну стал взиматься «выделный хлеб» («пятый сноп»), который ранее ямщики никогда не платили³⁷. Более того, год спустя для них были установлены новые размеры окладной пашни (по 15 четей в поле, «а в дву потому ж» на пай), которые в дальнейшем становились предметом неоднократных жалоб. Так, в 1648 г. верхотурские ямщики подчеркивали, что даже туринские и тюменские «охотники», условия гоньбы которых оставались более легкими, имели по 20 четей в поле, «а в дву потому ж»³⁸. Несмотря на то, что воеводе предписывалось увеличить размеры пашни на каждый пай до 20 четей в каждом из полей, к середине 1680-х гг. они были уменьшены вновь³⁹.

По всей видимости, первоначально зауральские ямщики были лишены даже такого характерного для других областей государства источника доходов, как прогонные деньги. Трудно сказать, когда они вообще появились в Сибири. Известно лишь то, что осенью 1686 г. население Верхотурского, Туринского, Тюменского, Демьянского и Самаровского ямов составило ряд коллективных челобитных, в которых, ссылаясь на тяготы службы, просило об увеличении окладов денежного жалованья и установлении размеров прогонов «против русских городов». В ответ Москва предписывала со

³⁶ См.: Первое столетие сибирских городов. Новосибирск, 1996. С. 143.

³⁷ См.: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 304. Л. 477; *Дмитриев А. А.* Пермская старина. Пермь, 1897. Вып. 7. С. 62, 165; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 113.

³⁸ АИ. Т. 4. С. 54.

³⁹ См.: *Шишонко В. Н.* Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Период пятый (1682–1694 гг.). Пермь, 1885. Ч. 1. С. 132–137.

следовавших на сибирскую службу (от Верхотурья до Сургута) и назад (от Самаровского яма до Соликамска) воевод, дьяков, письменных голов и «всяких приказных людей» отныне взимать по три денги с подводы за каждые десять верст пути⁴⁰. С целью определения точного размера прогонов в следующем году верхотурские власти для измерения «великих государей казенной саженью» расстояния между населенными пунктами направили сына боярского, подьячего и выборных целовальников. Результатом данных мероприятий стало составление «поверстной книги», один экземпляр которой хранился в приказной избе, а другой был отправлен в Сибирский приказ. Впрочем, в интересах экономии власти производили замеры, используя межевую (тысячсаженную), а не путевую (в 500 сажень) версту. Кроме того, со всех остальных категорий населения, имевших право на пользование ямскими подводами, прогоны не взимались, не говоря уже о том, что своими размерами последние не окупали затрат на гоньбу.

Ухудшали положение верхотурских ямщиков и многочисленные злоупотребления со стороны представителей местной администрации и проезжих лиц. Так, возвращавшийся в 1608 г. с тобольского воеводства И. И. Внуков вместо указанных в подорожной шести потребовал восемь подвод. Получив отказ, администратор нагрузил «вьюки со всякой рухлядью по осмине по девяти пуд на лошадь, не по нашему (царскому. – *О. С.*) указу», отчего «на волоку» «тою кладью уморил с насады... четыре лошади». В ответ верхотурским властям предписывалось произвести сыск, результаты которого следовало отправить в территориальный приказ. Впредь они должны были следить за тем, чтобы все подводы возвращались на Верхотурье целыми⁴¹. Источники изобилуют также фактами беззастенчивого «наметывания» воеводами на ямщиков своих «изделий», использования ими для личных нужд ямских подвод и т. д. Впрочем, ради справедливости следует отметить, что отнюдь не всегда «охотники» оказывались в роли потерпевшей стороны. Известны

⁴⁰ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 990. Л. 15–16; АИ. Т. 5. С. 246; Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856. С. 91.

⁴¹ См.: Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. Вып. 2. С. 214–216.

примеры их злоупотреблений при выполнении своих должностных обязанностей⁴².

Верхотурская ямская слобода представляла собой особую административную единицу, жизнь и деятельность которой основывалась на традициях общинного самоуправления. В случае необходимости население собирало сход, на котором решались важнейшие вопросы жизни «мира» и избирались должностные лица, размещавшиеся в присутственном месте – «ямской мирской избе»⁴³. Во главе органов самоуправления стоял староста. В его непосредственные обязанности входили отпуск подвод, участие в разбирательстве мелких правонарушений со стороны ямских «охотников» и членов их семей, ведение под наблюдением приказных властей загонных книг, которые по окончании года отправлялись в Москву, и т. д. Он также являлся представителем слободы во внешнем мире (например, мог подать челобитную от имени всех ямщиков). Неясно, предоставлялись ли данным должностным лицам какие-либо льготы, однако очевидным остается то, что они далеко не всегда пользовались авторитетом среди рядовых ямщиков. Так, в 1687 г. верхотурский ямской «охотник» В. Перевалов «на Тагиле, в Кокшарове деревне» «бранил... при многих людех всякою непристойною матерною бранью неведамо за что» старосту Т. Лукиных⁴⁴. Источники донесли до нас имена некоторых верхотурских ямских старост: Матвей Глазунов (ноябрь 1605 г.), Семуха Путников (март 1613 г., 1614 г., март 1615 г.), Семен Чураков (сентябрь 1620 г.), Кирилл Ентальцев (ноябрь 1624 г.), Тимофей Чирухин (март 1636 г., октябрь 1641 г.), Леонтий Кобелев (1644/45 г.), Симон Васильев (декабрь 1645 г.), Влас Литовский (1647/48 г., 1649 г., 1650/51 г.), Кирилл Зиновьев (июнь 1662 г.), Василий Казанец (1663/64 г., март 1674 г.), Киприан Шелепов (февраль 1665 г., 1688/89 г., 1690/91 г., 1691/92 г.), Андрей Долгополов (май 1665 г.), Тимофей Лукиных (1675/76 г., 1686/87 г., март 1692 г.), Никифор Сурихин (1676/77 г.,

⁴² Подробнее см.: Семенов О. В. Система ямской гоньбы в Сибири в конце XVI–XVII в.: качество функционирования // Россия и мир: панорама исторического развития : сб. науч. ст., посвящ. 70-летию ист. фак. Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького). Екатеринбург, 2008. С. 535–537.

⁴³ См., например: ГАПО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 170. Л. 7 об.

⁴⁴ См.: РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 347. Л. 72.

1677/78 г.), Федор Самков (1678/79 г.), Алексей Перевалов (март 1683 г.), А. Яковлев (март 1684 г.), Яков Порываев (1685 г.), Гаври-ла Черемисинов (сентябрь 1685 г.), Кондратий Седунов (1687/88 г.), Василий Чиреншиков (1689/90 г.), Иван Казанец (1695/96 г.), Петр Паламошный (1697/98 г.), Алексей Бутыгин (1698/99, 1700/01 г.)⁴⁵. На Верхотурском яме, благодаря его значительному размеру, имелись также десятники. Для предоставления ямщикам нарядов на поездки на сходе могли избираться окладчики. Все текущее дело-производство слободы находилось в руках ямских дьячков.

Нельзя согласиться с мнением А. Д. Градовского об отсутствии у воеводской администрации сколько-нибудь существенной власти над ямским делом⁴⁶. В особенности это касается Сибири, где ямщики, как уже было отмечено выше, по своему положению тесно смыкались с приборными служилыми людьми и к тому же находились в ведомстве территориального приказа. При этом наряду с выборным старостой в Ямской слободе мог действовать назначаемый из детей боярских и целиком подотчетный воеводе приказчик. Несмотря на нечеткость разграничения функций между данными должностными лицами, следует отметить, что последний, как представитель государственной администрации, занимал доминирующее положение, располагая обширной компетенцией. Он осуществлял надзор за действиями старосты и других должностных лиц ямского управления, следил за регулярностью их выборов и при необходимости мог им чинить наказания, совместно с ямским старостой судил «охотников» по незначительным искам (суд по

⁴⁵ См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 28. Л. 1–2; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 487. Л. 31, 73; Кн. 845. Л. 337; Кн. 953. Л. 1, 71; Оп. 3. Стб. 170. Л. 58; Стб. 593. Л. 7; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 74. Л. 131; Стб. 86. Л. 19 об., 77, 82, 86; Стб. 125. Л. 26; Стб. 128. Л. 179, 240 об.; Стб. 139. Л. 115; Стб. 148. Л. 291; Стб. 159. Л. 200; Стб. 167. Л. 287; Стб. 302. Л. 131; Стб. 304. Л. 375; Оп. 2. Стб. 55. Л. 1; Стб. 58. Л. 13 об.; Стб. 224. Л. 49; Стб. 347. Л. 72; Стб. 442. Л. 137; Стб. 531. Л. 46; Стб. 542. Л. 66; АИ. Т. 3. С. 41, 85; Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. Вып. 2. С. 173; ДАИ. Т. 7. С. 272; *Дмитриев А. А.* Пермская старина. Вып. 7. С. 180; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 264, 594, 618; *Шишонко В. Н.* Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Период третий (1645–1676 гг.). Пермь, 1884. С. 788.

⁴⁶ См.: *Градовский А. Д.* История местного управления в России // Собр. соч. СПб., 1899. Т. 2. С. 429.

более серьезным преступлениям осуществлял воевода), собирал разнообразные пошлины, контролировал поземельные сделки и т. д. Можно предположить, что, по аналогии со слободскими приказчиками, данное должностное лицо находилось на государственном обеспечении. Одновременно население уплачивало в его пользу всевозможные поборы («кормы» и т. д.) и выполняло массу разнообразных «поделок». Вдобавок администратор мог иметь собственное хозяйство. В ходе смены новый ямской приказчик принимал у старого все дела. Составленная при этом отчетная документация направлялась в съезжую избу. К сожалению, до настоящего времени все попытки обнаружить в источниках хоть какие-то упоминания о верхотурских ямских приказчиках не увенчались успехом, поэтому сам факт их существования остается под вопросом.

Таким образом, история становления и функционирования Верхотурского яма в период позднего Средневековья наполнена особым драматизмом. Впрочем, невзирая на неуклонное ухудшение положения его насельников, последние в целом исправно отправляли свои обязанности. При этом степень функционирования системы ямской гоньбы в крае, при всех имеющихся недостатках, находилась на довольно высоком уровне.

А. Г. Мосин
Екатеринбург

Фамилии и прозвища жителей Самаровского яма в XVII в.

Среди многочисленных работ А. Т. Шашкова, посвященных истории Югры, есть статья о жителях Самаровского яма XVII в.¹ В ней упоминается более сорока фамилий и прозвищ (от которых позднее нередко также образовывались фамилии) самаровцев, зафиксированных в документах XVII в., приводятся данные об их

¹ См.: *Шашков А. Т.* Самаровский ям и его жители в XVII в. // *Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее* : сб. науч. ст. Сургут, 2004. С. 65–89.
© Мосин А. Г., 2009